

1. Январь 2009 г.

Зимний лес синел прямо на глазах. Сумерки стремительно переходили в вечер, а над головами нависло уже почти черное, в звездах, ночное январское небо. Посреди поляны, зажатой высокими, в тяжелых снежных шубах, соснами, полыхал костер, над огнем висело ведро, в нем варился суп, аромат которого вызывал у всех участников пикника зверский аппетит.

Девушка в норковой шубке, в который уже раз черпая снег, пыталась смыть кровь с рук.

Подошедший сзади парень вдруг резко развернул ее к себе и, запрокинув ей голову, попытался поцеловать в губы.

— Да подожди ты, Ваня... Неудобно... Все же смотрят.

— Пусть смотрят, хотя сейчас нас, кстати, точно никто не видит. — От него пахло водкой и луком. Вязаная шерстяная шапка на его голове готова была свалиться с непослушных светлых кудрей. — Все же топор пошли искать... Но скажи — какая красота, а? Вера, ты хотела бы жить здесь?

— Где, в лесу?

— Нет, зачем в лесу? Ты же все понимаешь...

— Слушай, а где все? Неужели правда топор потеряли?

— Думаю, это просто предлог, чтобы оставить нас вдвоем, а Кабарданчик типа показывает им сейчас Большую Медведицу. У меня научился. Ты чего такая напуганная, боишься чего?

— Мы сделали что-то очень нехорошее... Я до сих пор чувствую кровь на пальцах, она теплая, ее много... Мы же убийцы. Причем — все!

— В жизни всякое приходится делать. Просто забудь, и все. Сейчас ведро с супом сниму с огня, пусть дно остынет, потом погрузим все в машину и поедем. Поужинаем, отдохнем, может, в карты поиграем...

И вдруг они услышали крик. Кричала девушка из их компании — Таня. Вера вздрогнула. Иван, сделав предупреждающий знак, чтобы она оставалась на месте, бросился в темноту леса на крик. Совсем неподалеку от поляны, где стояла окаменевшая от страха Вера, в темноте между стволов и ветвей сосен вспыхнули огоньки зажигалок, потянуло сигаретным дымом, и она услышала встревоженные голоса своих друзей и всхлипывания девушек.

— Эй, где вы? Ваня, я иду к вам! — Вера побежала на огоньки и голоса.

Все окружили лежащую на снегу девушку. Этим вечером она отказалась пойти с их компанией в лес на пикник, сославшись на то, что у нее встреча. Никто не удивился. Наташа. Красавица.

Сейчас она была мертва и лежала в лесу в распахнутой мутоновой шубе и без шапки. Ее длинные, с медным отливом волосы были припорошены снегом.

Ваня, Кабарданчик, Леха, Таня, Надя, Вера — все стояли и смотрели на тело в каком-то ледяном оцепенении. Трезвели.

— Поехали к директору дома отдыха, — сказал Кабарданчик, высокий рыжий парень в белом овчинном тулупе, судорожно закуривая очередную сигарету. — А он уж пусть сам решает, кому звонить, в милицию там, в «Скорую»... Знаете, а ведь она еще теплая... Ну, не совсем, конечно... Короче, ее недавно убили.

— Блин, она даже мертвая красивая, — сказала Надя, маленькая пухлая девушка в красной куртке, кутаясь в длинный шерстяной платок.

— Дура ты, Надька! — огрызнулась Таня, розово-щекая блондинка с распущенными волосами, прикрытыми пушистым белым беретом.

— Ну вот, весь отдых испорчен, — зачем-то сказала Вера и жестом попросила у Кабарданчика сигарету. — Ее убили. Вы же понимаете, ее убили! И убийца где-то рядом. Либо отдыхающий, либо кто-то из местных... Вот так взяли и убили. Молодую, красивую. За что?

— За красоту и убили, — сказала Надя. — Мужики не поделили. Сама-то она, мы-то знаем, никому не отказывала...

— Ну и дура же ты, непросветная! — повторила Таня с чувством, качая головой.

— Девчонки, поехали отсюда, Леха, бери ведро...

2. Сентябрь 2019 г.

— Привет, Гора. Не могу не поговорить с тобой, потому что решила на последний шаг — продаю нашу Мону Лизу. Что поделать? Моя сестра, ты знаешь, презирает меня, считает, что раз я сама загнала себя в эту черную дыру, то мне из нее и выкарабкиваться. Вот я и пытаюсь. Предполагаю, что тебя уже нет в живых, все-таки прошло целых три года, как ты пропал.

Да-да, именно сегодня ровно три года, как ты ушел за сигаретами и не вернулся. Про таких, как ты, так и говорят: ушел и не вернулся. Но я не в претензии, ты же предупреждал меня, что если ты вовремя не отдашь долг, то тебя... того... Возможно, ты перепутал даты и опоздал на сутки или всего на несколько часов, я не знаю. Но раз тебя нет, ты не принес мне сигарет, значит, не смог. Вот почему я не в претензии. Хотя моя сестра Саша считает, что я должна тебя ненавидеть, ведь для того, чтобы ты расплатился со своими долгами, мне пришлось продать квартиру и вообще отдать тебе все, что у меня было. В том числе и сердце.

Ладно, милый, раз уж так все сложилось и ты сейчас где-то на облаке, сидишь, смотришь на меня сверху и улыбаешься, я скажу тебе: я не сержусь, не злюсь. Больше того, я даже рада, что сделала хоть что-то для сохранения твоей жизни. Ты только представь себе, что было бы, если бы я вообще ничего не предприняла и тебя пристрелили где-нибудь в лесу... Уж не знаю почему, но когда я думаю о том, что с тобой стало, то представляю себе сразу лес, могилу, прикрытую еловыми ветками... Думаю, это потому, что пересмотрела кучу сериалов про бандитов. Там всех пристреливают в лесу. А что еще мне было делать, когда ты пропал? Я вообще не знала, как мне жить, как относиться к людям. Сашка говорит, что ты меня использовал и я сама во всем виновата, на моем лбу просто горит: используй меня по полной. Вот почему я с тех пор не подпускаю к себе никого. Хотя что теперь-то с меня взять? Ни квартиры, ни денег, да и работаю на дому, маникюрю... С финансовой точки зрения я мужчинам теперь неинтересна, если их что и может привлекать во мне, так это фигура Джулии

Робертс, особенно мои длинные ноги. А вернуться в нашу с Сашкой фирму я не хочу и не могу. Настроение не то. Ты скажешь, что мне под тридцать и я неплохо сохранилась, меня еще рано списывать на берег, мужчины могут меня желать. Пусть так, да только я их не желаю. И самый большой кайф для меня сейчас — это сон. Нароботаюсь, выпью молока с булкой и завалюсь в постель. Вот это кайф. Телевизор работает как фон, звуки проникают в мозг, создаются какие-то образы, которые растворяются в моих снах...

В телефоне уже давно шли тихие короткие гудки, а Вера Тихая все продолжала наговаривать на уже давно отключившийся автоответчик своего умершего друга, Егора Ерохина, человека, который, по словам ее сестры, сломал ей всю жизнь.

Вера снимала комнату в коммуналке, отказываясь от помощи сестры, зарабатывала на жизнь, делая маникюр на дому, и большую часть денег тратила на цветы.

— Ты дура, Верка, зачем покупаешь цветы, если у меня в саду их просто море?! Думаешь, такая принципиальная? Повторяю, ты просто дура. Вот и все.

Сашка была младше Веры на два года, у нее имелась семья, муж Валера и сын Даня. Кроме того, они вместе с мужем успешно продолжали оставшееся от отца (погибшего в автокатастрофе незадолго до появления Горы в жизни Веры) семейное дело — сдавали в аренду крупную строительную технику, торговые площади. После того как Вера продала свою квартиру ради спасения Егора, сестры поссорились. Вера медленно, но верно шла «ко дну» (выражение успешной Саши), но помощь сестры, которая очень скоро после

ссоры успокоилась и даже попыталась опекать заблудившуюся сестру, не принимала. Сидела на гречке и кефире, плакала по ночам, уткнувшись в подушку, но потом, «собрав себя в кучку», выучилась на маникюршу. Купила для этого самые необходимые инструменты, продав мамину старинную фарфоровую вазу с птичками на «Авито», да и начала новую жизнь.

Цветы, роскошные букеты, которые Вера заказывала, вдохновляли ее и просто помогали выжить. Глядя на цветы, она воспринимала их как творение божье и всякий раз говорила себе: раз Бог создал такое великолепие, то почему я не могу просто найти в себе силы жить, дышать? Сломанная, обманутая, разочарованная, слабая, она питалась этой цветочной красотой, медленно восстанавливалась, возвращаясь к жизни. Сашка же считала траты на цветы признаком шизофрении.

«Поговорив» с Егором, Вера вернулась к ноутбуку, ее интересовала цена на черепаха. Ее любимая черепаха Мона Лиза, которую ей подарил в свое время Гора, считалась сухопутной и могла стоить примерно две с половиной тысячи рублей. Маловато за любимую животинку. К тому же Гора как-то сказал, что черепаха непростая, но вот какая именно, Вера не запомнила. А потому взяла телефон и отправилась к аквариуму, где спала Мона Лиза. Сфотографировала любимицу, потом вбила фотку в гугл и вдруг обнаружила, что черепаха ее на самом деле не простая, а угольная, красноногая и стоит (она быстро проверила по двум зоосайтам) двадцать тысяч!

Этих денег, если добавить к накопленным заработанным, хватило бы заплатить за квартиру, коммуналку, и еще бы осталось. Да вот только надо же заниматься этим, разместить объявления с фото...

Вера взяла в руки Мону Лизу и вдруг, ни с того ни с сего, разрыдалась. Принялась гладить черепаху, шептать ей слова нежности, а после и вовсе просить прощения. И как это ей вообще в голову пришло продать Мону Лизу, подарок Горы, свою подружку, питомицу? Совсем ты с ума сошла, Вера...

Телефон издал смешной звук детского чиха — так звучат оповещения сообщений. И тут же последовал звонок с неизвестного ей номера. Снова предложение кабального кредита или заманчивое для растяп приглашение на бесплатную юридическую консультацию?

Она непроизвольно поморщилась, готовясь уже послать подальше навязчивых товарищей-мошенников, как вдруг услышала приятный мужской голос, задавший ей такой странный вопрос, что Вера даже растерялась. Огромный временной пласт ледяной глыбой отвалился от настоящего времени, закинув ее моментально в заснеженный лес...

— Вы отдыхали в доме отдыха «Отрада» десять лет тому назад? — спросил мужской голос.

Ничего себе вопрос!

— Ну, отдыхала, и что?

— Да нет, ничего, просто зашел на сайт этого дома отдыха, увидел ваш отзыв, причем довольно благоприятный, там ссылка на ваш фейсбук, ну вот и написал вам, а потом и позвонил по мессенджеру. Вы извините, если отвлек вас. Вы же Вера Тихая?

— Уж не такая и тихая, ну да ладно... — Она произнесла это машинально. Привыкла, когда проезжались по ее фамилии, научилась парировать. — И что хотели узнать?

— Да ничего особенного... Вы простите меня еще раз, что побеспокоил.

— Там хорошо, — зачем-то сказала она, и эта фраза прозвучала по-идиотски мечтательно и совсем некстати. — Тихо и спокойно. И сметану давали стаканами.

Вот зачем она сказала про сметану? Как будто это так важно. Просто это было первое, что она вспомнила почему-то: теплые плюшки с посыпкой и стакан густой сметаны на полдник.

— Я люблю сметану, — сказал мужчина. — Спасибо вам. Всего хорошего.

— И вам не хворать.

В дверь позвонили. Кого еще принесло? Вера нехотя поплелась к двери. На сегодня у нее была запись лишь на восемь вечера. Клиентки без предварительного звонка не приходят, знают, она этого не любит. Удивительно, как они ее вообще терпят, такую нервную, злую, резкую. Может, она дешево с них берет за маникюр, поэтому ей все прощают?

Вера заглянула в глазок. Этого еще только не хватало! Сашка! Уставилась своими огромными голубыми глазами, того и гляди стекло расплавит взглядом.

— Чего приперлась? Кто тебе дверь внизу открыл?

В квартире помимо Веры в двух комнатах жила семья с маленькими детьми, сейчас, в сентябре, они отдохали в Крыму, поэтому она могла вести себя свободно, разговаривать так, как ей хочется, не боясь, что ее услышат.

— Открывай! — возмутились за дверью. — Что ты как маленькая, Верка?!

Конечно, она открыла. И была просто потрясена, когда увидела в руках сестры большущий букет львиного зева. Это были ее любимые цветы. Разноцветные, бархатистые.

— Всю клумбу свою небось оборвала, — проворчала она, принимая, однако, цветы. И вдруг обратила внимание, что букет-то обернут в коричневую крафтовую бумагу. И ленточка зеленая, кудрявая, обвивает понизу бумажную основу букета.

— Ты что, мать, сбрендила? С каких это пор ты свои садовые цветы упаковываешь как в дешевом цветочном магазине?

— Я не упаковывала. Букет лежал на коврике перед дверью... — Саша в розовом льняном платье, обдав Веру запахом духов, деловито, уверенно, как к себе домой, прошла в комнату сестры. В руках ее была большущая пластиковая сумка, из которой торчали рыбий хвост и стрелы зеленого лука.

Саша была тщательно накрашена, светлые, подрезанные чуть пониже мочек ушей волосы выглядели растрепанными, но Вера-то знала, сколько в салоне, где часами пропадает ее сестра, стоят эта роскошная сверкающая растрепанность и объем. Бледно-розовая помада подчеркивала матовость нежной кожи, едва заметный румянец. Красивая, сволочь!

— И я тебя тоже люблю, — ответила ей, словно прочтя ее мысли, Саша. — Вот пришла тебя немного подкормить. Соседку твою по лестничной клетке недавно встретила в городе, она сказала, что ты похудела, выглядишь неважно.

— Можно подумать, она хорошо выглядит, выдра старая! — возмутилась Вера, наблюдая за тем, как сестра выкладывает из сумки на стол продукты. И чего только не накупила! Весь «Седьмой континент» привезла! Баночки, коробочки, пакетики...

— Вот! — торжественно объявила Саша, ставя пустую сумку на пол, и вдруг, повернувшись, бро-

силась к Вере и крепко обняла ее. — Я соскучилась...

Она завывала и поскуливала, уткнувшись ей в плечо. Может, и правда соскучилась.

— Я тоже. — Вера, сама не ожидая от себя такого наплыва чувств, крепко чмокнула сестру в напудренную щеку. — Спасибо тебе!

Поплакав, Саша отпрянула от Веры и огляделась. Небольшая комната с убогой обстановкой, выщербленным паркетом под ногами, но новыми пластиковыми, отлично промытыми окнами с прозрачными беленькими занавесками вызвала в ней, привыкшей к другим условиям жизни, приступ уныния и какой-то безысходности.

— Вер, ну давай мы купим тебе квартиру. Пожалуйста. Знаешь, я стала плохо спать, почти ничего не ем, вот только на свекольник подседа да на вареники с вишней... Так вот, я постоянно думаю о тебе, о том, что ты снимаешь эту ужасную комнату, покупаешь, как ненормальная, дорогие цветы и, что самое кошмарное, стрижешь кому-то ногти, занимаешься грязной и унижительной работой, и это в то время, как наши родители оставили нам свой бизнес, у тебя есть деньги... И ты прекрасно знаешь, что у тебя на счету кругленькая сумма, которая постоянно пополняется, Валера четко высылает тебе твои проценты от прибыли. Но ты же не прикасаешься к ним!

— Ладно, когда-нибудь прикоснусь, — смягчилась, рассиропившись, Вера.

— Да ты что?! — И Саша радостно захлопала в свои маленькие детские ладошки. Она вообще внешне была какая-то девочка-девочка, нежная, восторженная и одновременно настоящая экономическая зверюга,

монстр, глава семьи, к чьему мнению прислушивались все, начиная с мужа и заканчивая уборщицей на их строительной базе. — А квартиру тебе купим? Я уже присмотрела!

— Купим, — согласилась Вера, сама не понимая, как это она так быстро растаяла. Словно кто-то, сидящий в ее голове, страшно пожелал комфорта и достатка. Икры, что ли, организм захотел?

— Уф, ну прямо гора с плеч! Боже мой, Верочка, как же я рада! Наконец-то я успокоюсь!

Саша даже перекрестилась.

— Ну все, теперь твоя жизнь изменится, — защебетала она радостно в каком-то сладком мечтательном порыве. — Вот увидишь! Уж теперь-то я не позволю тебе пустить свою жизнь под откос, сама проконтролирую каждый твой поступок! И ты увидишь, какими красками, радостными и счастливыми, заиграет твоя новая жизнь! Вернешься в компанию, станешь хорошо зарабатывать, ну а жениха мы тебе подберем, вот увидишь! Но и ты должна будешь поработать над собой. Сделаем тебе стрижку, знаешь, такую модную, стильную... — Саша даже встала и полными изящества и вдохновения пассами над головой показала, какой должна быть эта стрижка. — Юбки будешь носить, туфельки на каблучках, а не кроссовки да штаны с майками и свитерами, как сейчас... Мы поедем с тобой в Москву, в Охотный Ряд, накупим тебе красивой одежды, я сама прослежу, чтобы выбрать все самое лучшее и нарядное, займемся вопросом косметики. Мы с Валерой тебя подучим, как вести себя на людях, а то ты, я смотрю, совсем одичала. Уф... Прямо голова закружилась, когда я представила, что все это теперь реально и ты заживешь с нами как